

требляющихся только в отрицательных по содержанию предложениях, следовало бы отнестись и *põrmugi* 'нисколько' (с. 90).

Создается впечатление, что сфера употребления слов *ühiti* (с. 137) и *ühtigi* не совпадает. В действительности же они существенной разницы в качестве усилительного элемента, распространяющего предложение, не имеют. В орфологическом словаре *ühtigi* снабжено только пометой *разг.*

Правомерно утверждение, что слово *vaevalt* 'едва' может встречаться только в утвердительном контексте. Дефективный же глагол *parata* свойствен, по-видимому, не только отрицательному контексту (с. 133). На с. 137 и оговаривается, что *parata* употребляется в основном в отрицательном контексте.

В отрицательных по содержанию предложениях учитывается чаще всего изъявительное наклонение, но более подробное соблюдение условного, повелительного и косвенного наклонений привело бы, по-видимому, к выявлению новых моментов в порядке слов и др., которые остались вне внимания автора. В некоторых случаях отрицание как изъявительного, так и условного наклонений может заменять повелительное наклонение, например, *te ei tohi ~ ei tohiks seda teha* = *ärge tehke seda* 'вам нельзя ~

не следовало бы этого делать = не делайте этого'.

Основные результаты исследования разнообразны и достоверны. В них отражаются функциональное единство синтаксического и лексического отрицания, а также то, как синтагматическое отрицание переходит в парадигматическое. Автор внес поправки и дополнения в существующую точку зрения о влиянии отрицания на выбор субъекта и объекта. Важным является уточнение понятия бытийного предложения, а также указание на зависимость его от тематической структуры предложения. Впервые с большой точностью представлены дистрибутивные ограничения утверждения и отрицания в эстонском языке, а также афирмопетальные и негопетальные элементы, нейтрализация отрицания, целый ряд других важных моментов, связанных с отрицанием и антонимией.

Следует подчеркнуть, что работа И. Санга внесет важный вклад в решение неизученных проблем грамматики эстонского языка. В дальнейшей работе над темой автору следует более глубоко рассмотреть вопросы, связанные с отрицанием, и привлечь языковой материал из диалектов и раннего периода литературного языка.

ПАУЛЬ АЛБРЕ (Тарту)

<https://doi.org/10.3176/lu.1981.3.10>

В. А. Ледяйкина, Причастие в мордовских языках. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Тарту 1980.

23 февраля 1981 г. на заседании Специализированного совета Д 069.02.02 по присуждению ученой степени доктора наук в Тартуском государственном университете состоялась защита кандидатской диссертации ассистентом кафедры английского языка Ульяновского педагогического института В. А. Ледяйкиной на тему «Причастие в мордовских языках». Официальными оппонентами выступили доктор филологических наук профессор П. Аристэ (Тарту) и кандидат филологических наук доцент И. Тараканов (Ижевск).

Мордовские, как и другие финно-

угорские языки, имеют сложную систему причастий. В разных языках причастие изучено не одинаково. По прибалтийско-финским языкам, например, имеются специальные монографии и статьи по частным вопросам. Причастие хорошо изучено и в некоторых других финно-угорских языках. Однако в мордовских языках оно пока еще не было предметом специального исследования, хотя именно в этих языках сохранило разнообразные древние формы, анализ которых дал бы много нового и важного для освещения истории финно-угорской грамматической системы. Поэтому автор поступила

вполне целесообразно, взяв на себя задачу представить монографическое описание всех мордовских причастий. Безусловно, тема работы весьма актуальна. В ней дается подробный анализ сущности мордовского причастия с учетом истории возникновения и развития причастных форм и специфики их употребления.

В. А. Ледайкина правильно показывает, что суффиксальные морфемы мордовских причастий, а также их семантические признаки имеют параллели в других финно-угорских языках. В работе объясняется, почему одни формы мордовского причастия утратили свою продуктивность, а другие стали доминирующими.

Автор отлично знакома с литературой предмета. Особенно подробно она проанализировала историю изучения причастия в мордовских языках (с. 9—20). Теоретической основой работы послужили труды известных финно-угроведов, а также исследователей русского и других языков. Причастия в мордовских языках, подобно другим финно-угорским языкам, занимают промежуточное положение между глаголом и прилагательным, обладая признаками как того, так и другого (с. 14). В работе показано, какие особенности глагола причастие сохраняет и в чем время причастия существенно отличается от времени спрягаемых форм глагола. Можно согласиться с В. А. Ледайкиной, что в мордовских языках различаются причастия настоящего и прошедшего времени, хотя причастие само по себе времени не выражает. Время причастия относительно. Это явление типично и для других финно-угорских языков.

Теоретическая значимость работы состоит именно в том, что в ней представлено многоаспектное описание категории причастия в мордовских языках. Впервые решаются и многие вопросы, связанные с морфологией, семантикой, синтаксисом и т. д. причастных форм. Проведенный анализ позволил автору придти к правильному заключению, что в мордовских языках причастие можно рассматривать как инфинитную форму глагола, сочетающую в себе основные признаки глагола с признаками прилагательного и существительного.

Работа состоит из трех глав. В пер-

вой (с. 21—66) проанализированы причастия незаконченного действия, а именно причастия с суффиксами эрз. *-и/-ы*, *-иц'а/-ыц'а* (*моли ломань*, *молиця ломань* 'идуший человек', *моры*, *морыця нармунь* 'поющая птица'); мокш. *-ий/-ый*, *-ай*; эрз., мокш. *-(и)кс* (эрз. *вечкевикс* 'любимый'). Приведена также форма причастия с суффиксом сравнительного падежа *-шка*, которая образуется только от причастий на *-и/-ы* и особенно часто выступает с отрицательной частицей *а* 'не', например, *а ёвтавишка седеи рискс* 'горе такое большое, что нельзя высказать'. Автору представляется вероятным, что причастная форма тождества *-шка* существовала еще в прамордовском языке до появления новой формы причастия незаконченного действия с суффиксом *-иц'а/-ыц'а*, так как образований на *-шка* от последнего не встречается (с. 25). Причастный суффикс *-и/-ы*, безусловно, древнего финно-угорского происхождения. Древнее происхождение имеет также суффикс *-иц'а/-ыц'а*. В отдельных финно-угорских языках он образует как именные, так и глагольные формы. Этот суффикс мог в эрзянском языке послужить основой для образования глагольных существительных от имен действия на *-и/-ы*, как правильно показывает автор (с. 29). В настоящее время в эрзянском языке наблюдается параллельное употребление причастных форм с суффиксами *-и/-ы* и *-иц'а/-ыц'а*, причем первая уступает свои причастные функции второй (с. 66).

В. А. Ледайкина предполагает, что мокшанский диалектный суффикс причастия *-ка* является одним из случаев употребления деминутивного суффикса при образовании формы причастия (с. 32). Это вполне возможно, так как и в прибалтийско-финских языках причастие прошедшего времени на *-nut/-nūt* деминутивного происхождения.

В работе приведены все особенности употребления причастий с суффиксами *-и/-ы* *-иц'а/-ыц'а* в современном эрзянском литературном языке — в художественной прозе, поэзии и устно-поэтическом творчестве.

Особый раздел первой главы посвящен причастию с суффиксом *-(и)кс* (с. 42—55). В. А. Ледайкина сделала правильный вывод, что для причастий с

суффиксом *-(u)ks* характерны как глагольные, так и именные признаки, но по своей сути они все-таки глагольные образования, несмотря на то что суффикс *-ks* является и окончанием транслатива. Этот вывод подкрепляет тот факт, что и в прибалтийско-финских языках суффикс транслатива выступает в связи с инфинитивными формами глагола, ср. фин. *tullakseni* 'чтобы я пришел'. На с. 124 даже констатируется, что эрзянскому причастию с суффиксом *-(u)ks* соответствует прибалтийско-финское причастие с окончанием транслатива: эрз. *Володя жо чатьмонсь, тейсь а неикс ды а марикс* 'Но Володя молчал, он сделал вид, что не видит и не слышит (букв. притворился невидящим и неслышащим)', ср. фин. *ei tule pää pestyksi, ellei itse saunaan mene* 'голова не станет вымытой, если сам в баню не пойдешь', эст. *töö sai (ei saanud) tehtuks* 'работа была (не была) окончена'.

Большой интерес для финно-угроведов представляет анализ мордовского причастия с суффиксом *-ма* (с. 56—65). Автор не считает *м-овые* образования причастиями. По ее мнению, они являются обычными именами действия в атрибутивной функции (с. 64). Она правильно критикует авторов, склонных находить в них признак причастия настоящего или прошедшего времени. В других финно-угорских языках, например в финском, соответствующие образования могут иметь и временное значение: *isän ostama kirja* 'книга, которую купил отец'.

Вторая глава (с. 67—104) посвящена анализу причастий законченного действия, которые в современных мордовских языках проявляют активный или пассивный характер в зависимости от характера переходности или непереходности. Эти причастия образуются при помощи суффиксов эрз. *-з'*, *-н'* (*кулозь, кулонь* 'умерший, мертвый'), *-вт/-вт'* (*сокавт* 'вспашенный') и мокш. *-н'*, *-ф*. В начале главы автор приводит подробную характеристику этих причастий (с. 66—76). Далее дается характеристика причастия с суффиксом *-з'*. Как известно, основой этого суффикса послужили имена действия с тем же суффиксом. Первоначально признаком данного суффикса был *-с*. Можно считать вполне вероятным утверждение автора, что озвончение *с* было вызвано необходимостью диффе-

ренцировать формы причастия и формы глагола 3-го лица единственного числа прошедшего времени *-с*. Хорошо раскрыта грамматико-семантическая сущность этого суффикса, а также суффикса *-н'*. О происхождении последнего высказываются различные мнения. В. А. Ледяйкина придерживается той точки зрения, что в основе мордовского причастия с суффиксом *-н'* был древний финно-угорский суффикс отглагольных имен **-n*. На с. 85 приводятся параллели из других финно-угорских языков. Опираясь на работы Т. Лехтисало, она отмечает эстонские параллели только из диалекта острова Сааремаа, не учитывая, что это общеэстонский суффикс.

О причастных суффиксах эрз. *-вт/-вт'*, мокш. *-ф* написано много. Но единого мнения об их происхождении нет. В работе критически проанализированы все точки зрения. Некоторые из них В. А. Ледяйкина отвергает (напр., теорию Д. Т. Надькина). Она придерживается в основном точки зрения Д. Бубриха, что рецензент считает вполне целесообразным. В. А. Ледяйкина правильно разделяет мнение тех ученых, которые в основе мокш. *-ф* склонны видеть общеморд. *-вт*. Она привела очень много новых сведений о функционировании этого суффикса (с. 90—104). Эрзянское причастие на *-вт/-вт'*, как правило, употребляется при наличии подчиненного слова в генитиве, напр., *Вардонь уштовт банясь* 'истопленная Вардой баня'. Это древнее явление, оно встречается и в прибалтийско-финских языках, напр., эст. *Mardi köetud saun* 'истопленная Мартом баня'. В. А. Ледяйкина также показывает, что употребление названия деятеля в генитиве при причастии на *-вт* не всегда обязательно. Все случаи употребления причастия на *-вт* проиллюстрированы многими примерами.

Наиболее слабо были до сих пор изучены синтаксические функции причастия в мордовских языках. Этой теме посвящена третья глава работы (с. 105—144), где рассматривается причастие в функции определения, предиката, глагольного члена безличного предложения и т. д. Все разделы написаны с хорошей эрудицией и на основе богатого материала, собранного автором из произведений мордовской художественной литературы. Новизна этой главы исключитель-

на. У рецензента возник только один вопрос. Не развилось ли в мордовской художественной литературе употребление причаствия в функции обособленного определения под влиянием русского языка (эрз. *паксясь, копачазь вень чоподасо* = рус. *поле, покрытое ночной мглой*) (с. 114—119)? Во всяком случае это явление не древнее финно-угорское.

Н. А. Шанкина, Грамматические средства выражения временных и пространственных отношений в мордовских языках. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Саранск 1980.

16 марта 1981 г. на заседании Специализированного совета Д 069.02.02 в Тартуском государственном университете состоялась защита кандидатской диссертации Н. А. Шанкиной «Грамматические средства выражения временных и пространственных отношений в мордовских языках». Работа подготовлена под руководством доктора филологических наук профессора Д. В. Цыганкина. Официальными оппонентами выступили доктор филологических наук А. Лаанест (Таллин) и кандидат филологических наук А. П. Феокистов (Москва).

Основные подтемы работы: синтаксис местных падежей, которому посвящена первая глава, послеложные конструкции как средство выражения пространственных и временных отношений (вторая глава), наречия места и времени (третья глава), глаголы движения (четвертая глава). Разработка этих вопросов необходима как для полного описания грамматической структуры современных мордовских языков, так и в интересах сравнительно-исторического финно-угроведения.

В первой главе рассматриваются падежи, при помощи которых передаются пространственные отношения (инессив, элатив, иллатив, пролатив, латив, аблатив, датив), затем те же падежи как средства выражения временных отношений. У каждого падежа автор обнаруживает много подзначений. Так, значения инессива, указывающего на место, она распределяет на семь групп.

Значения мордовских местных паде-

Же в этой, так и в других главах выводы автора не вызывают сомнения. Работа В. А. Ледяйкиной представляет собой законченный научно-исследовательский труд, имеющий существенное значение для финно-угроведения.

ПАУЛЬ АРИСТЭ (Тарту)

Же представляют особый интерес для исследователей прибалтийско-финских языков. Система местных падежей с признаком *s* является общей для прибалтийско-финских, мордовских и марийского языков. Поскольку в прибалтийско-финских языках возникла группа внешнеместных падежей, не известная мордовским языкам, можно предположить, что сфера употребления *s*-овых падежей в мордовских языках обширнее, чем в прибалтийско-финских. Однако материал работы не показывает этого. В разделе, посвященном инессиву, встречается только один мордовский пример, которому в прибалтийско-финских языках соответствует адессив: мокш. *паксяса*, эрз. *паксясо* 'в поле' — фин. *pellolla*, эст. *põllul*. Автор отмечает, что инессив может указывать иногда и место на какой-либо поверхности, но приводит только по одному примеру из мокшанского и эрзянского языков, оба связаны со словом 'грудь': мокш. *мяшьсонза канзергодсть орденонза* 'на груди его побрякивали ордена', эрз. *мештьсэст галстуктне* 'на их груди галстуки'. В таком случае, если речь идет о месте, куда что-нибудь закрепляют, вешают, инессив употребляется и в прибалтийско-финских языках (эст. *märk rinnas* 'значок в груди', *mantel ripub varnas* 'пальто висит на вешалке'). Итак, приведенный автором материал свидетельствует о том, что в семантике мордовского и прибалтийско-финского инессива много древних общих черт. С другой стороны, все же трудно поверить, что различий между этими языками так